

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 26-го сентября 1904 года.

Чемаль.

(Къ характеристикѣ алтайскихъ дачныхъ мѣстностей).

Селенія, подобныя Чемалу, иногда носятъ не соответствующее ихъ дѣйствительному значенію названіе „курорта“. Съ послѣднимъ соединено представленіе о мѣстѣ, имѣющемъ лечебнаго учрежденія или приспособленія. Ничего подобнаго нѣтъ ни въ Чемалѣ, ни въ Чергѣ, ни въ Черномъ Аулѣ. Тамъ нѣтъ врачъ, за исключеніемъ случайнаго врача-дачника; нѣтъ пансіоновъ; нѣтъ постоянныхъ кухмистерскихъ или столовыхъ. Квартиры—простыя крестьянскія избы, лишены элементарныхъ культурныхъ приспособленій и мало удобны для большого человѣка.

Чемаль отнюдь не курортъ. И если продаваемый тамъ привѣзанный киргизами кумысъ можетъ наводить кого-нибудь на представленіе о курортѣ, то это представленіе ошибочно.

Чемаль—дачное мѣсто. Выѣзая отъ того, чтобы ѣхать на дачу, узнавають въ деревню,—вотъ такимъ же образомъ можно уѣхать и въ Чемаль.

Чтобы попасть въ Чемаль, вы должны проѣхать на пароходѣ до Бійска, а отъ послѣдняго на лошадакъ далѣе. Обычный путь отъ Бійска такой: первый станокъ до с. Сроетки, затѣмъ до Чергачака; изъ послѣдняго и нѣкоторые идутъ прямо до Чемала, другіе до промежуточнаго селенія Александровскаго. Послѣдніе должны выигрывать, получая сѣвѣжѣе лошадей, такъ какъ дорога между Александровскимъ и Чемаломъ очень гористая.

До Чергачака (приблизительно половина пути) дорога скучна. Она идетъ, большую частью, безлѣсной степью, между пашнями и сѣнокосами. Лишь за Сроетками мѣстность дѣлается волнистой и въ дали

начинаютъ обрисовываться предгорья Алтая. Въ Сроеткахъ, для сокращенія пути, вы переправляетесь черезъ Катунь на довольно узкомъ пласкотѣ. Во время переправы переѣзжающая публика усаживается раскладками о томъ, какъ этотъ пласкоть отрывался и какъ счастье спасало несчастныхъ пласкотовъ. Вы неудружелюбно и недѣлочно начинаете присматриваться къ старымъ, тонкимъ доскамъ и къ тонкому, брешному канату.

Въ первый разъ вы видите холодную, молочную сѣрую Катунь, стремящую несунуя свои шумящая воды и рочующую на камняхъ и перекатахъ. Что то неукротимо-дикое, антикультурное чувствуется въ этой бьющейся о берега рѣкѣ. „Вотъ передъ вами докторъ изъ Томскаго переправлялся... И вѣдь-то не очень шибкій былъ... Погнало да погнало... Ну, значитъ, канатъ подтануло... Оборвался!... Да хорошо еще въ протоку, а не въ материкъ!... повѣстуетъ перевозчикъ. „Да, отъысается какой-то крестьянинъ, счастливо“.

Въ Платовой опять переправа на правой берѣгъ Катунь. Пласкоть еще болѣе гибкая, а Катунь бурнее... „И сколько это каждый годъ народу гибнетъ?—какъ то фатально-меланхолически звучатъ слова перевозчика.

Чергачакъ, должно быть, типичное для настоящаго момента алтайскаго селенія. На половину въ немъ живутъ старожила, на половину новоселы. Усадьбы послѣднихъ выдѣляются зелеными берегами, окружающими избы, между тѣмъ какъ старожила старательно уничтожали около себя всякую зелень.

За Чергачакомъ мѣстность постепенно принимаетъ горный характеръ. Вы ѣдете большую частью долиной. Маймы. Дорога то поднимается на гору, то спускается. Колыда горы гнѣвѣ смѣкаются. Большое краевое село Уаала окружено горами,—правда, еще не высокими, но замѣтно об-

разующими котловину. Въ Уаалѣ бросается въ глаза большое количество лапотъ и большихъ каменныхъ зданій. Это торговое село. Богатство его создается окружающими инородцами, калмыками, живущими часто въ вѣищей бѣдности. Этотъ контрастъ богатства и бѣдности бросается въ глаза каждому, кто впервые сталкивается съ инородческими племенами. Но у мѣстнаго некультурнаго жителя, ведущаго съ инородцами „дѣла“, развито то поверхностное представленіе объ нихъ, которое илдетъ часто рядомъ съ недружелюбнымъ къ нимъ отношеніемъ.

Торговецъ, крестьянинъ укажетъ вамъ на тѣ обширныя земли, которыя „дамы“ инородцамъ, на „лыготы“, которыми инородцы пользуются... „Лыгиты!“ рѣзко отмѣчаетъ купецъ, вся энергія и трудолюбіе котораго выражаются двумя-тремя

мѣстами очень густая и высокая, а среди нея прихотливо извивается быстрая рѣчка... Ночью перекликаются въ кустахъ соловьи.

Дорога временами избирается на рискованные откосы. Съ одной стороны скала, съ другой—крутой обрывъ до десятка и болѣе саженъ. Надъ обрывомъ иногда положены жерди на подобіе перилъ, но, вѣроятно, не въ цѣляхъ безопасности, а въ видахъ скорѣе эстетическихъ. Жерди часто совѣзъ не укрѣплены. „Ничего,—успокаиваетъ лыжникъ,—какъ илбуду спустимся“... Есть и по поводу этихъ спусковъ воспоминанія о разнесшихъ лошадакъ. Люди любятъ подбадриваться образами страшнаго. Если не привидѣтся, то сломанная нога и свернутая шея—универсально любимыя темы.

Нѣсколько верстъ—и вы подѣзжаете къ Уаалинскому женскому монастырю. Онъ стоитъ въ полуторѣй налѣво отъ дороги.

Версты на двѣ далѣе выдѣтается старый монастырь съ бѣлой церковью. Низменная мѣстность была нездорова для монахинь, и монастырь перенесли на гору. Здѣсь также строится церковь, но постройка остановилась за недостаткомъ денегъ.

Монастырь владѣетъ громадными землями. Далекъ раскинулись сѣнокосы, пашни, мельницы. Кромѣ домовъ, занимаемыхъ игуменшей, священникомъ, монахинями, рабочими и службами, на нѣкоторомъ разстояніи отъ ограды находится небольшая монастырская гостиница и противъ нея домъ, отдаваемый подъ квартиры.

Мѣстность около монастыря очень красива. Показываются алтайскіе горные гиганты; горная страна чувствуется. Кружатъ много зелени, веселой и цвѣтущей, оживленной рѣчкой.

Говорить, въ Уаалѣ живутъ кумысники. Сѣкдонательно, въ этой мѣстности можно жить угодно. Но здѣсь еще не Алтай; нѣтъ горнаго воздуха... Можетъ быть, отъ широкой долины Маймы и сыварото, но ландшафтъ чудесный. Въ немъ много мягкой мирной прелести и зеленого сѣвѣжаго колорита.

С. Александровское—послѣдній станокъ передъ Чемаломъ. Населеніе—наполовину калмыцкое. Передъ селомъ повеселѣла равнина. За селомъ сразу—громадный подъемъ въ горы. Слѣдуетъ переналѣ, вы уже чувствуете себя въ Алтайѣ. Кругомъ горныя громады, пересѣченныя долинами и ущельями. Воздухъ чистъ и легокъ. Съ той и другой стороны густая, высокая трава, широкие, большіе папоротники, кусты смородины, малины.

Спускъ уютно-теплый-длинный. Будете терпѣливы и подерживайте терпѣіе лыжника-калмыка, подающагося неукнутому припутьствію подъ гору на бойкихъ лошадакъ.

Вплотъ до Чемала дорога то и дѣло вьется и извирается на обрывы и очень живописна. Нѣсколько разъ вы переѣзжаете или минуете горныя рѣчки, съ веселымъ шумомъ несущіяся по зеленымъ долинамъ.

Вы подѣзжаете нѣсколько полурусскихъ, полукалмыцкихъ деревень,—и снова появляется Катунь, но преждемъ холодно-угрюмая и бурная. Но берега ея покрыты сосновыми дѣсами, представляющими живую, зеленую каюбу. Горы подступаютъ совсѣмъ близко. Вы ѣдете долиной Узеваля. Послѣдній передъ Чемаломъ деревня Узеваля и Еликонара. Въ послѣдней также живутъ дачники. Недалѣкѣ, на берегу Катунь, вьется красивая сосна. Отъ Еликонара до Чемала всего нѣтъ верстъ. Ведутъ туда отъ Еликонара двѣ дороги. Одна изъ нихъ илдетъ по обрывистому скату; она очень узка. Мѣстами вѣтряныя знаменья не могутъ развѣтаться. Ямщикъ, завидѣвъ вѣтряный экипажъ, останавливаетъ лошадей, сподитъ ихъ съ дороги въ расширеніе и пережидаетъ. Скользя выше по роги покрыты крупнымъ сосновымъ и березовымъ дѣсомъ; ниже—густыя заросли кустарника между

С. Чемаль и его окрестности. Общій видъ со стороны Зликмонара.

крупными деревьями. Другая дорога несколько длиннее, но за то удобна и широка.

В Чемаль получил название от рѣчки того же имени, текущей верстахъ въ полуторыхъ. Селеніе расположено на берегу Катуня. Отъ р. Чемаля его отдѣляетъ небольшая горная гряда, къ устью рѣчки превращающаяся въ живописную сналу, террасами падающую въ Катунь. Это „Чертова гора“, куда дачники, послѣднее название „воздушниковъ“, совершая прогулки пѣшкомъ или верхомъ.

Гора и мѣстность у подошвы ея покрыты хорошими сосновымъ лѣсомъ. Минувшимъ лѣтомъ мѣстные жители составили пріговоръ, запрещающій рубку въ этомъ лѣсу. Пріговоръ, какъ кажется, подослѣтъ кстаги, такъ какъ близость къ селенію грозила уничтоженіемъ бора. Между тѣмъ вырубка совершенно обесцѣнитъ Чемаль, какъ дачное мѣсто.

Прилегающая къ бору часть селенія наиболее хороша. Когда въѣзжаете въ селеніе, этой части можно не замѣтить. Обыкновенно и останавливаются и наймаютъ квартиры въ ближайшей отъ Еликмонара части селенія. Но лучше проѣхать дальше, — къ „пріюту“, какъ называютъ эту часть селенія, такъ какъ въ ней, действительно, находится пріютъ для двѣухвѣкъ-калмычекъ.

Остальное селеніе можно опять раздѣлить на двѣ части: одна — на самомъ берегу Катуня, болѣе интересна, но и болѣе сырая; другая — на верхней площадке, сухая.

Все селеніе не велико, — не болѣе, повидимому, пятидесяти хозяйствъ. Рядомъ съ „лѣсными“, живущими въ избахъ, живутъ въ юртахъ калмыки. Въ Чемаль мисіонерскій станъ; есть церковь и церковно-приходская школа. По праздникамъ благочестивый дачникъ не лишнѣ удовольствія посѣщать обѣдно.

Видъ на всѣ стороны красивый. Кругомъ горы, — то ярко зеленая, покрытая лѣсомъ и травой, то обнаженная, красноватая.

Купанье неудобно. Катунь быстра и холодна. Теченіе загромождено камнями, быстро; много ямъ. Все это дѣлаетъ купанье неприятнымъ и опаснымъ. Не лучше купанье и въ Чемаль. Вода въ немъ прозрачна, чиста; но это настоящая горная рѣчка, стремительно скачущая по камнямъ. Трудно устоять на ногахъ. Есть тихія излучины, но онѣ рѣдки и находятся далеко отъ селенія. Купанья нѣтъ.

Прогулки очень интересны при условіи верховой ѣзды. Колесныхъ дорогъ мало. Главная дорога оканчивается верстахъ въ 15 за Чемаломъ.

Въ стороны дороги есть только въ долину Чемаля, но на разстояніе всего 2—5 верстъ. Ближайшіе пункты для прогулокъ пѣшкомъ — Чертова гора, Еликмонарская дорога, сосновый боръ и ближайшія горы. Хорошій воздухъ, отсутствіе комаровъ и мошки, тишина — все это дѣлаетъ пріятнымъ шатанье въ окрестностяхъ. Живъ есть, но онѣ, повидимому, мало беспокоятъ.

Въ тѣлѣхъ можно проѣхать къ Еликмонару, на устье Чемаля, даѣе на Катунь черезъ очень красивое ущелье. Выше идутъ пастбища. Затѣмъ ѣздить вверхъ по Чемалу по обѣимъ берегамъ. Правый берегъ болѣе открытый, хотя дорога изобилуетъ подлѣями; здѣсь сосновый лѣсъ и открытыя поляны. Левый берегъ, низменный и узкій, покрытъ березнякомъ, таліной. Колесная дорога скоро прекращается, и за осыпающимися выступомъ идетъ уже верховая тропа.

Очень красиво устье Чемаля. При впаденіи его въ Катунь имѣется каменный выступъ съ плоской поверхностью. Нѣсколько болѣеихъ камней служатъ скамьями. Сидя на нихъ, вы имѣете передъ собой тѣсное ущелье, въ которомъ мечется пѣнящаяся Катунь. Берега нѣтъ. Скалы отвѣсно падаютъ въ рѣку. На противоположномъ, правомъ, берегу Чемаля — высится Чертова гора, съ которой виденъ этотъ выступъ, какущійся очень маленькимъ. На устье Чемаля ѣздить пить чай.

Дикое и красивое мѣсто — сліянне Чемаля и впадающей въ него р. Кубы. На послѣдней въ прошломъ году произошло обвалъ, засыпавшій старое русло. Рѣчка провала другое русло, разваливъ деревья и подымая правый берегъ. Новое русло еще не совсѣмъ образовалось. Въ водѣ лежатъ и стоятъ деревья, — одни еще зеленая, другія уже погнившія.

Верхомъ можно проникнуть почти всюду. Ближайшій интересный пунктъ — Крестовая гора. Это самый высшій пунктъ близъ Чемаля. Съ него открываются уходящія въ даль цѣпи безконеч-

ныхъ гигантскихъ горъ. Название она получила отъ креста, поставленнаго на ея вершинѣ, лѣтъ двадцать назадъ, томижмъ архіереемъ. Подниматься лучше, свернувшись съ Еликмонарской дороги, а не отъ Чемаля, откуда подѣмъ очень крутъ и утомителенъ. Ѣздить на Караколь, къ озеру. Это верстъ 50 отъ Чемаля. Поѣздка требуетъ затраты трехъ дней съ ночевками на заимѣхъ. Минувшимъ лѣтомъ группа дачниковъ и дачницъ совершила удачную поѣздку черезъ горы къ Телюскому озеру. Экскурсія дала съ три недели и была сопряжена съ большими затрудненіями.

(Продолженіе будетъ.)

Въ персидскомъ городѣ.

(Оканчаніе, — см. вѣздоръ, прил. „Сиб. Ж.“ № 199.)

По улицѣ, открытой для моихъ наблюденій, проходили закутанная персидки, ранопищи овшей и мелочей, выкрикивая названіе товаровъ. Временами открывалась дверь изъ дворика и показывалась женская фигура за покупкой. Восточная дома представляютъ подобіе крѣпости, ворота которой всегда закрыты, чтобы во внутреннюю жизнь не вторгнулось непринужденное, постороннее лицо.

С. Чемаль и его окрестности Р. Катунь между устьемъ р. Чемаля и с. Чемаломъ.

Дворики недоступны даже для разношниковъ. Они могутъ кричать и восхвалять свои товары лишь на улицѣ, не входя во дворы. По улицѣ проѣзжалъ курды на своей выносливой горной лошади. На головѣ его оригинальная, пестрая чалма, вокруг пояса идетъ кожаная лента съ массою патроновъ, въ рукѣ короткая берданка. Курды болѣе храбрые и лучшіе персидскіе солдаты — кавалеристы. Это разбойничье племя извѣстно въ намѣхъ Закавказья своими набѣгами и грабежами, между Эриванью и Нахичеванью, гдѣ рѣка Араксъ, протекающая у подножій Арарата и отдѣляющая Россію отъ Персіи, подходитъ близко къ дорогѣ. Здѣсь то куртины, какъ называютъ въ Закавказьи курдовъ, переходятъ черезъ рѣку для провоза контрабанды или для грабежей.

Большинство публики, проходящей и проѣзжающей по улицѣ, направлялось къ сосѣднему небольшому базару, или же къ обширному караванъ-сарая, расположенному въ концѣ армянскаго квартала. Тавризь считаетъ нѣсколько караванъ-сараяевъ, но самый лучший между ними караванъ сарая эмира. Здѣсь находятся наиболее крупныя конторы мусульманъ, а также склады европейскихъ, торгующихъ въ Тавризѣ, и лавки армягъ. Въ караванъ-сарая эмира цѣлый день суета и шумъ, площадки, предназначенныя для склада товаровъ, завалены лицами съ сушенымъ виноградомъ, тыками съ шерстью, хлопкомъ и такъ даѣе. Многочисленная крикливая толпа волнуетъ въ узкихъ корридорахъ подъ каменными сводами. Въ караванъ-сарая эмира можно найти и издѣлья Востока, хотя она не дешева, и товары Ливерпуля и Манчестера и даже нашу русскую парчу и позументы. Но, сѣдунѣ прибавить, большинство караванъ-сараяскихъ лавочекъ очень невзрачны, заполнены мелочами, въ родѣ сушеныхъ фруктовъ, орѣховъ, зелени и тому под. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ всего товару не наберется и на десертку рублей, а продавца происходитъ копѣечна: кому на шай, кому на

два шая (шай — жѣдная монета въ 1 коп.). Продавцы на базарахъ имѣютъ много свободного времени для куренья кальяна, для болтовни, или для чтенія непонятнаго корана.

Притомъ почти каждый день для развлеченія скачущей публики являлся какой нибудь странствующій рассказчикъ, или въ видѣ «Сеида» въ синей чалмѣ, потомка Магомета, или деревни, — мусульманскаго монаха. Между послѣдними попадаются перидо веселые люди, и балагуры, у которыхъ въ запасѣ имѣется много сказокъ, шутокъ, анекдотовъ. На деревнѣ оригинальная одежда, импровизирующая масъ. На спишь бываетъ накинута или волчья, или овечья, или даже тигровая шкура, черезъ плечо виситъ коковская скорлупа, наполненная разными талисманами, въ рукахъ перидо огромная палица, — признакъ, что деревнѣ жить въ пустынѣ и имѣеть дѣло съ хищными африяи. Но это остатокъ прежнихъ временъ. Быть можетъ, прежде деревни отличались действительно подвигическими свойствами, но теперь большинство изъ нихъ обманчивы, мошенники и туеядцы. Рассказчикъ — желанный гость и, надо сознаться, онъ очень искусно умѣетъ заинтересовать публику и остановиться во время, чтобы собрать плату и снова продолжать прерванное повѣствованіе.

На базарахъ и караванъ-сараяхъ, какъ центрахъ уличной восточной жизни, собирается нищій мужчины и женщины. Въ Персіи масса, не считая прожженныхъ на большихъ дорогахъ, просятъ милостыню. Востокъ обидѣтъ и обнищалъ. Нигдѣ въ мірѣ, кажется, нѣтъ болѣе поразительной нищеты.

Однако солнце сильно припекало, наблюдаемая сцена были уже давно извѣстны, потому я и посѣдилъ удалиться съ крыши и не утомлять читателя описаніемъ восточной обстановки, далеко не столь привлекательной, какъ она рисуется въ извѣстныхъ арабскихъ сказкахъ Шахерезады. Персіи спитъ политически и невольно вспоминаешь слова, знаменитаго поэта.

Тамъ, склонясь въ дыму кальяна,
На цвѣтной диванѣ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.

Да, дремлетъ, но не при столь роскошной обстановкѣ!

Сибирякъ.

...И туча черная съ отливомъ сѣрыпатыхъ.

На западѣ далеко показалась.
Плыла она бѣдой неэротивной,
На мирная поля, на тихія долины...
Ложилась тѣнь тревоги и печали
На лица добрая покорныхъ земледѣльцевъ...
Полудъ сухой, холодный, рѣзкій вѣтеръ,
Качая ржи тяжелые колосья,
Валдыня пылъ густую на дорогѣ...
Блеснула молнія серебряною лентой —
Раззаялся громъ раскатистый, суровый
И гдѣ-то замеръ, повторенный эхомъ...
Затихли вѣтра буйные порывы —
И хланулъ дождь...

Тяжелая громада
Свинцовыхъ тучъ разсыпалась по небу
И солнце ласково взглянуло, улыбаясь,
На мирная поля, на тихія долины.
Его лучей серебряныя нити
На каждомъ листикѣ шибтоговъ, травахъ, дересвѣхъ,
Зажгли другія, маленькія солнца...
Природа вся, какъ юная невеста,
Предъ женихомъ красиво нарядившись,
Сияетъ счастьемъ, полная надежды
На свѣтлую и радостную долю...

Е. Бахаревъ.

Настуся.

Будничный эпизодъ

I.

...Настуся, маленькая, исхудавшая и, можетъ быть потому, некрасивая, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, стояла въ снѣгахъ старой и грязной избы, гдѣ она жила, смѣтрла, какъ съ далекаго сѣраго неба падаетъ мелкій осенній дождь и, прислушиваясь къ его таинственному шуму, думала о томъ, что теперь дѣлается тамъ, далеко, въ деревнѣ, откуда скоро должна прѣѣхать за ней ея матеца,

„Ругается вечно, собирался сюда... — мелькает в голове Настя. — И дуря, скажет, такая-синая, и дрянн непуевая... дрянная недоучка!... А придёт, так, чего доброго, бить станет.“

Настя вздрагивает...

„Вить!.. Господи, да за что-же? Развѣ я виновата въ томъ, что не дается мнѣ нынче ни что... Возьму книгу-то въ руки и читаю-читаю, учу-учу... Иной разъ съ раскѣта безъ передышки занимаюсь... Пока учу—знаю, а закрыла книгу—не помню ничего, хоть убей—не вспомнить!“

Настя опять вздрагивает, хотя ей и не холодно... Слышать, какъ шумитъ дождь, улабається

не послушаетъ, плетью заставъ на путь истинный...

И Дарья уѣхала.

Настусю осталась съ Панкратычемъ и его сожительницей—молчаливой, безропотной и болѣзненной Лизаветой...

Ити черезъ большую, шумную, богатую улицу въ гимназю, встрѣчаться и сходитьса съ подружками, учиться и читать—все это нравилось Настѣ...

Панкратычъ-же пиль запоемъ и ругался... и потомъ... утюгомъ бросалъ въ Настусю... И точно затѣйные нашло на нее... И изъ гимназии ушли...

А голова все болитъ, болитъ... Настя подставляетъ голову подъ струю—дождевой воды, падающей съ крыши... И ей легче...

II.

— Пей, кума! Хвати съ горы!

— Пью, кумъ... Видишь: пью!...—и Дарья пила рюмку за рюмкой, и лицо ея краснѣло, а глаза дѣлались мутными и злыми.

— Развѣ не досадно, кумъ?—въ десятый разъ повторила она одно и то же...—развѣ не досадно, что непуевая дѣвка-то оказалась, что умя-то ея хваленый—не умя, а наземъ гнилой... Залѣгивался, дрянн отакая... А ты бы, кумъ, почаще дражь ее плетью... Исправилася бы, шелковой бы стала...

— Пробовать, кума,—оправдывался Панкратычъ, —и словомъ, и руками учить... Не дѣйствуетъ... Сначала ничего дѣло шло... ладно... недѣян три, почитай, кровѣ похваляю она и не слышала ничего. А потомъ—затѣйные... Говорю тебѣ, кума, затѣйные... Старое все позабыла, новаго ничего не узнала... Даже столяникъ разъ нашелъ на нее... и съ чего-бы все это вылезло?

— Учить надо крѣпче, въ емокихъ рукавицахъ держать!—на раскѣтъ, внушительно совѣтовала Дарья, —и обернувшись въ сторону складывающей свои пакости Настусю, кричала ей:

— Живѣй, гадога долдонитъ!.. Погоди, дай только домой прѣйтить, покажу я тебѣ ежомъ рукавицы...

Настя вдругъ затряслася, точно въ лихорадкѣ, и заговорила горло, торопливо, глотая слезы:

— Онь меня утюгомъ разъ... въ голову... Кровь побѣжала...

— Худо!.. Полѣномъ надо было, а не утюгомъ!..

Дарья снова чокалась съ Панкратычемъ, размахивала кулаками, и обжигала Настусю пьянымъ, злобынмъ взглядомъ...

На другой день, вечеромъ, когда земля окутывала сѣрая, сырая мгла и гдѣ-то хрипло каркали голодные вороны,—со двора, гдѣ жилъ Панкратычъ, выскочилъ Дарья съ Настей. Онѣ снѣгли въ тѣлѣ, прижавшись другъ къ другу, утѣшая, недовольныя...

Когда онѣ вѣхали въ лѣсъ, Дарья небрежно проронила:

— Вѣру Петровну на прошлой недѣлѣ... схоронили...

Настуся тѣнѣй прижалась къ мачехѣ, и ей захотѣлось сказать мачехѣ обо всемъ, захотѣлось плакать...

Но Дарья ударила лошадь кнутомъ и, сердито сдвинувъ брови, закрыла въ дремотѣ глаза...

Настя потонула годову...

Телѣга трясалась и дребезжала. Лѣсъ засталъ въ тревожной тишинѣ и съ темнаго, окутаннаго тучами, неба большими, тяжелыми хлопьями падалъ первый снѣгъ.

Къ рисункамъ.

C. Чемаль и его ближайшія окрестности.

Чемаль раскинулся въ концѣ широкой долины и стоитъ почти на ровной площадѣ. Только средина села утонула въ неглубокомъ увалѣ и потому совершенно не видна на нашемъ рисункѣ (рис. 1).

Но зато прекрасно видна передняя часть села, гдѣ находится церковь, домъ священника, школа; можно рассмотреть и заднюю часть села, какъ-бы уходящую въ ущелье. Въ задней части находится содержащий на средства мисіи пріютъ для инородческихъ дѣвушекъ. Въ Чемаль до 50 домовъ и около 300 жителей, преимущественно крещенныхъ калмыковъ, почему нерѣдко домогъ съ обыкновенной русской избой можно встрѣтить калмыцкую юрту. Село расположилось около двухъ рѣкъ: около мочуей и шумливой Катуня, протекающей справа (если глядѣть на рисунокъ) отъ села и выходящей въ вышеупомянутое ущелье. Катунь течетъ здѣсь въ каменистыхъ узкихъ берегахъ и чѣмъ выше отъ Чемала, тѣмъ больше и больше тѣснитъ ее каменные громады, и тѣмъ сильнѣе и грознѣе шумитъ и мечется по каменному и порожистому руслу бѣлая отъ бѣшенства рѣка. (Рис. 2). Другая рѣка, небольшой, но быстрый Чемаль, впадающей въ Катунь за той небольшой и покрытой лѣсомъ горой, которая видна на нашемъ 1-мъ рисункѣ точно-же за селомъ и которая носитъ название Пшинека. Нашъ рисунокъ (рис. 3), изображающій впаденіе Чемала въ Катунь, не даетъ достаточно полнога представленія о красотѣ этой мѣстности. Въ рисунокѣ не достаеъ главнаго—красоты. Представьте себѣ, что въ почти молочную, дико рушущую и мечущуюся Катунь впадаютъ совершенно зеленыя воды Чемала. Зеленая до того, что въ камни на днѣ устья этой рѣчки кажутся окрашенными въ этой цвѣтъ: зеленый плитникъ, зеленая галька, зеленый песокъ. Бѣлая и зеленая вода сталкиваются, перебиваются и на мѣстѣ слиянія образуются какія-то причудливыя облака. Слово въ этомъ мѣстѣ отразился кусочекъ неба. А еще выше по Катуню начинаются уже совершенно дивныя картины: скалы нависаютъ надъ самою рѣкой, дорога прекращается и для желающаго двигаться впередъ открывается лишь горная тропа, выходящая надъ отрывомъ и поспая, по мѣстному, названію „приторы“ (Рис. 4). И чѣмъ дальше отъ Чемала, тѣмъ тѣснѣе сдвигаются надъ Катунью горы, тѣмъ круче скалы и тѣмъ рискованнѣе путешествіе по горной верховой тропѣ, надъ обрывами нерѣдко въ нѣсколько десятковъ сажень высоты.

Вернемся, однако къ самому Чемалу. Наиболѣе излюбленной дачниками частью села является та часть, гдѣ находится пріютъ, что вполне понятно: ближе къ Катуню и Чемалу, ближе къ живописному ущелью, а главнѣйш образомъ, какъ видно изъ нашего рисунка здѣсь близость тѣсъ—прекраснѣйш сосновой боры, за которыми, явля върѣе, въ которомъ находится излюбленная дачниками небольшая горка, прозванная почему-то Чертовой въ этомъ бору, на Чертовой горкѣ и на устьѣ Чемала и проводятъ глав-

C. Чемаль и его окрестности. Устье р. Чемаль.

чему-то... Потомъ снова хочется думать и искать нить своихъ мыслей, но напрасно: все мыслы словно исчезли изъ головы... и голова какъ въ огнѣ... болитъ...

Въ избу, на грудь какихъ-то дохмотые, спитъ пьяный Панкратычъ; онъ тяжело хранитъ и порой о чемъ-то неясно бредитъ... Около глазъ синіе кровоподтеки... большие желтые зубы обнажены... Странная и страшная улыбка...

„Хотѣ-бы спать дольше, не просыпался-бы“...—шепчетъ Настусю и болязливо оглядывается: ей все кажется, что Панкратычъ проснется и бросится на нее сади съ утюгомъ, ударитъ... и изъ головы ея побѣжитъ кровь тоненькой красной струйкой, какъ это было тогда, въ прошлый разъ.

Настя опять вздрагиваетъ, опять болязливо оглядывается... Обожгло ее это воспоминаніе...

— „Пьянъ онъ тогда былъ...“—мелькаетъ безпорочно въ головѣ Настя. —За водкой посылаетъ, а на дворѣ ночь... Не пошла... а онъ утюгъ схватилъ горячій, съ углями... да и бросилъ въ голову... Я упала... Крови, сказываютъ, съ подлашки выбѣжало... И съ тѣхъ поръ голова все болитъ, все болитъ... И забывать все стала... И страшно все чего-то“...

Настя снова вздрагиваетъ, и чувствуетъ, какъ что-то тепло пробѣгаетъ по лицу: то мимолетная слеза выкатилась изъ глазъ, пробѣжала по щекѣ, упала на руку... Вслѣдъ за ней—другая, третья...

„Ну, о чемъ я плачу?“—думаетъ Настя и слезится улыбуясь, но въместо улыбки лицо ея какъ-то странно скимается, тонкія блѣдныя губы судорожно подергиваются... и слезы катятся ручьемъ...

Настя прижимается пылающей головой къ косяку двери и смотритъ куда-то въ одну точку долго—долго... И вдругъ вырастаетъ передъ ней деревня... школа, гдѣ она училась... Вѣра Петровна—учительница, такая сланная, веселая... „Дѣти, дѣти!.. Въ хоровахъ!“—грезится Настусѣ ея голосъ. — „Ну, живѣй, веселѣй!“ И кружатся ребятишки, перекинутся звонко, смѣются... и Вѣра Петровна съ ними... Но Вѣра Петровна скоро устаетъ и отходитъ въ сторону блѣдная, задыхающаяся отъ кашля... Потомъ звонкомъ... Урокъ начинается, въ классѣ тихо-тихо... Настя и читаетъ, и пишетъ лучше другихъ, и Вѣра Петровна смотритъ на нее всегда такъ ласково, любовно. Въ страду, послѣ экзаменовъ, Вѣра Петровна снарядила Настусю въ городъ, въ гимназю, и мачеху Дарью уговорила...

Прѣхала Настя въ городъ, поступила въ гимназю, Дарья сдала ее своему куму—портному Панкратычу.

— Пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ,—предложила ему Дарья.

— Маловато, кума,—упрямился Панкратычъ,—сама знаешь, дѣвчонкѣ двѣнадцатый годъ пошелъ... Не ребенокъ ужъ, одного калача на день мало... Коли хошь—за семъ съ полтиной возьму.

Сослался на семи рубляхъ.

— Только ты, кумъ, не потайка ей очень-то... А лѣниться начнетъ—такъ, ежели добраго слова

Чемаль и его окрестности. Приторъ на р. Катунь-въ 8 вер. выше Чемала.

нимъ образомъ свое время дачники. Изъ другихъ ближайшихъ окрестностей Чемала наиболѣе популярностью пользуются Крестовая гора, рѣка Куба, „бомъ“ надъ Катунью и др., но для экскурсій въ эти мѣстности уже необходима верховая лошадь, тогда какъ на устьѣ Чемала, на Чертовой горку и въ боръ дачники совершаютъ свои прогулки, преимущественно вълѣсокъ, почему какъ Крестовую гору, такъ и Кубу къ ближайшимъ окрестностямъ Чемала отнести едва ли можно.

Модхья вышивки

на швейной машинѣ Зингера.

Изящное искусство и техника являются понятиями, как бы исключаящими друг друга, а между тѣмъ швейной машинѣ удалось преодолѣть преграду, разделяющую эти два понятия. Постепенно, незаметно, безъ всякой шумихи, швейная машина—эта вѣрная помощница въ домашнемъ обиходѣ, превратилась при помощи своихъ стальныхъ мускуловъ въ настоящую художницу, самымъ неожиданнымъ для всѣхъ образомъ. Благодаря ей получаются такія художественныя вышивки, которыя до сихъ поръ были доступны только ручной работѣ, которую швейная машина даже переделала по законченности и виртуозности исполнения.

Какъ въ большинствѣ практическихъ нововведеній, такъ и на этотъ разъ, Америка слѣдала въ этомъ отношеніи первый шагъ. Практичнымъ американкамъ пришла идея воспользоваться быстротою и аккуратностью швейной машины для такихъ вышивокъ, которыя до сихъ поръ исполнялись руками, а потому медленно двигались впередъ. Успѣхъ получился при первыхъ же опытахъ, но вначалѣ новое приженіе швейной машины было известно лишь въ немногихъ кружкахъ. На эти опыты смотрѣли какъ на забаву, не имѣющую серьезнаго значенія. Но когда на всемирной выставкѣ въ Чикаго въ 1893 году Компанія Зингеръ выступила впервые съ цѣлой коллекціей художественныхъ

техники швейной машины и оцѣнить его по заслугамъ.

Съ тѣхъ поръ художественная работа на швейной машинѣ шагъ за шагомъ завоевала себѣ все большее и большее поле дѣятельности, не забывая совершенствоваться и разнообразить свои технические приемы. Въ настоящее время она достигла прямо-таки поразительныхъ результатовъ. На выставкѣ германскаго художественно-промышленнаго общества въ Берлинѣ были экспонированы цѣлый дамскій будуаръ, украшенный вышивкою на швейной машинѣ Зингера. Работа была исполнена г-жей Паули по рисункамъ художника Эплера

же работа готова, то нитки съ правой стороны раздѣляютъ, вынимаютъ настилку и вышивку принимаетъ видъ плюша.

Но этими тремя стежками: плоскимъ, греніромъ и плюшевымъ не заканчивается искусство современной техники швейной машины. Она изящно исполняетъ ажурныя работы, аликке, шпахтель и другія, даже цѣлыя кружева.

Къ сожалѣнію, это совершенство техники послужило причиною, почему художественныя вышивки на швейной машинѣ не распространены настолько, насколько бы это слѣдовало. Разглядывая съ нѣмыми изумленіемъ чудную работу, большинство нашихъ дамочекъ рѣшаетъ, что достичь такихъ результатовъ невозможно только для художницъ. Но онѣ ошибаются. Техника вышивки на швейной машинѣ настолько проста, что каждая женщина, обладающая маломальской ловкостью, легко овладѣетъ ею, а путемъ практики, и пользуясь хорошими образцами, быстро дойдетъ до совершенства. Вышивка исполняется на обыкновенной швейной машинѣ безъ всякихъ особыхъ аппаратовъ и дорогихъ приспособленій.

Конечно, для полнаго изученія техники потребуются время и терпѣніе, но полученные результаты вполнѣ вознаградятъ за приложенное стараніе.

Такимъ образомъ для труженицъ открывается новое поле дѣятельности, новый заработокъ, достичь котораго ей тѣмъ легче, что Компанія Зингеръ обучаетъ художественной вышивкѣ бесплатно.

Этотъ изящный и уютный уголокъ привлекалъ всеобщее вниманіе необычайной художественностью вышивки. Общій видъ изящной медіировки и украшенія стѣнъ и потолка, и ихъ цвѣта какъ нельзя лучше гармонировали другъ съ другомъ. Сѣрое дерево, украшенное полированными полами, обитое зеленовато-голубымъ шелкомъ съ украшеніемъ изъ бѣлыхъ дефтъ и рисункомъ изъ бѣлыхъ пюнівъ и подѣвѣжниковъ—вотъ мотивъ для диванчика и стульевъ. Стѣны украшены желтымъ шелковымъ муаромъ, на которомъ вышиты пестрыя гирлянды цвѣтовъ. Потолокъ обтянутъ зеленоватымъ шелкомъ съ вышивкой осеннихъ дубовыхъ и кленовыхъ листьевъ. Правая стѣна украшена цѣлымъ ландшафтомъ, исполненнымъ замѣчательно правдиво и художественно. На этой же выставкѣ были экспонированы цѣлыя, воздушныя оконныя занавѣси, всѣ заполнены дивной вышивкой и два панно изъ маисовожатаго шелковаго репса, съ изображеніями на немъ въ натуральную величину птицами.

Разсматривая внимательно вышивку упомянутого будуара, мы обратили вниманіе на три рода стежковъ, которыми пользуется машина для выполненія художественныхъ вышивокъ. Во-первыхъ, плоскій шовъ, похожій на русскую плоскую гладь. Этотъ шовъ прижился долго, пока Компанія Зингера не удалось изобрѣсти другого шва: греніра, незамѣнимаго для покрытія фоновъ даже большихъ размѣровъ. Такъ какъ греніръ можно шить въ нѣсколько слоевъ, то возможны и переходы въ нюансѣ разныхъ цвѣтовъ и достиженіе такимъ образомъ различныхъ оттѣнковъ. Третій шовъ или такъ называемый плюшевый шовъ представляетъ собою новѣйшее изобрѣтеніе. Благодаря ему рисунокъ выступаетъ изъ матеріи, по которой онъ исполненъ. Это достигается при помощи накладыванія на матерію съ правой стороны толстой настилки, по которой и исполняется вышивка, только съ лѣвой стороны. Благодаря этой настилкѣ стежки получаютъ извѣстную выпуклость; когда

Помысливъ, при настоящей статьѣ три рисунка различныхъ сюжетовъ, исполненные на обыкновенной машинѣ Зингера. Къ сожалѣнію, эти рисунки не могутъ передать игры красокъ, тоновъ и полутоновъ, составляющихъ ихъ главную красоту.

вышивокъ, исполненныхъ на обыкновенной швейной машинѣ, эта коллекція возбудила всеобщій интересъ.

Послѣ выставки въ Чикаго коллекція вышивокъ на швейной машинѣ Зингера объѣхала почти всю Европу. Въ главнѣйшихъ городахъ, между прочимъ въ Дюссельдорфѣ, Гамбургѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Ригѣ, Стокгольмѣ и т. п. промышленные музеи и выставочныя помѣщенія гостеприимно открывали свое помѣщеніе для коллекцій вышивокъ, чтобы дать возможность публикѣ ознакомиться съ новымъ усовершенствованіемъ